

Размышления над книгой

Д. А. БАЮК

ГАЛИЛЕЙ И ИНКВИЗИЦИЯ: НОВЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ*

Появление на русском языке известной и довольно авторитетной на Западе книги ученого-иезуита Аннибале Фантоли несомненно следует признать одним из наиболее заметных событий в книгоиздании России последних десятилетий. Несмотря на то что во всем мире Галилей уже давно и прочно удерживает репутацию самого любимого персонажа истории науки, российские издатели напрочь забыли про него, и недавно минуло ровно тридцать лет с тех пор, как вышла последняя книга на русском языке, посвященная гениальному итальянцу. А ведь когда-то все было совсем иначе.

В 1920–1930-е гг. советские идеологи уделяли значительное внимание тому, что происходило в эпоху становления основ современной науки, и имя Галилея появлялось на страницах монографий и журнальных статей гораздо чаще, чем теперь. Тогда на него возлагалась важная идеологическая задача: Галилей олицетворял зарю антирелигиозного движения, будучи, по

словам С. И. Вавилова, «стихийным материалистом» и отрицающий как наличие божественного промысла в действии законов природы, так и церковный диктат над естествоиспытателями. Осудив Галилея, церковь не просто нарушила его право на

* Фантоли А. Галилей: в защиту учения Коперника и достоинства Святой Церкви. М.: МИК, 1999. — 424 с. (Annibale FANTOLI, *Galileo: for Copernicanism and for the Church*, Vatican City State: Vatican Observatory Foundation, 1994; Annibale FANTOLI, *Galileo – Per il Copernicanesimo e per la Chiesa*, Vatican, 1993)

свободу мнения, но и показала, до какой степени опасалась попыток это право отстаивать.

В 1935 г. М. Я. Выгодский (см. [1]) выразил иной взгляд на проблему. По его мнению, было бы по меньшей мере анахронизмом приписывать Галилею антирелигиозные и тем более атеистические представления. Проблема взаимоотношения науки и религии решалась Галилеем в гораздо более сложной постановке, уж во всяком случае не приводящей к отрицанию церковных норм вообще. А необходимость их пересмотра была к концу XVI в. ясна многим. Но сколь бы мягко ни высказывал Выгодский свои сомнения по поводу атеистического заряда сочинений Галилея, советские органы расценили его книгу как «новейшую апологию папизма», выразили удивление, как в советском книжном издательстве могла появиться книга, в которой «трудно найти что-нибудь советское», и второй том ее так никогда и не увидел свет.

Один из основных тезисов Выгодского заключался в том, что «драматизм судьбы Галилея состоит отнюдь не в том, как думают некоторые, что Галилей выступил против церкви и потерпел поражение, а в том, что он выступил как верный адепт папизма, предлагавший средства, долженствующие, по его убеждению, помочь церкви в ее борьбе с ересью и безбожием, и оказался обвинен в злонамеренных действиях». Таким образом, Выгодский артикулировал различие между религией и церковью и признал, что в некоторых обстоятельствах церковь может действовать во вред религии, а светский человек — в данном случае Галилей, — напротив, защищать ее интересы вопреки ей же самой.

Один из рецензентов книги, З. А. Цейтлин, оспаривая этот тезис, углубился в обсуждение политической стороны дела: «Если говорить об инквизиционном процессе Галилея, то в этом случае политическая подоплека процесса настолько бросается в глаза, что игнорирование историками этой стороны дела является достаточно удивительным» [2]. Наличие политических аспектов дела отнюдь не означает, что Галилей, по мнению Цейтлина, ловил политический момент для личного карьерного продвижения, но он пытался использовать свое знание политической конъюнктуры во благо истины. Среди нюансов, которые он пытался использовать, Цейтлин указывает и разногласия, существовавшие между членами двух наиболее влиятельных политических сил католической церкви того времени — Обществом Иисуса и монашеским орденом Святого Доминика, каждая из которых боролась за большую близость к папскому двору и тем самым за большее влияние на принятие церковных решений.

Первым предвестником ухудшения отношений Галилея с инквизицией стал, как известно, донос двух доминиканцев — Никколо Лорини и Томазо Каччини. Галилей стал немедленно искать защиту у иезуитов, в частности, через посредничество Пьетро Дини, к которому обратился с письмом от 16 февраля 1615 г.: «Я прошу Вас прочесть его [копию письма к Бенедетто Кастелли, ставшего непосредственным поводом для доноса — Д.Б.] иезуиту о. Гринбергеру, выдающемуся математику и моему хорошему другу и покровителю» [3, т. 5, с. 292]. Ссылаясь на этот эпизод, Цейтлин в свою очередь признал не только существование различий между христианством как религией и церковью как институтом, но и наличие политических разногласий внутри самой церкви.

Галилей предлагал церкви признать существование внерелигиозной составляющей мировоззрения: в Святом писании практически ничего не говорится о строении Вселенной просто потому, что это неважно для спасения. Церковь учит нас тому, как попасть на небо, а не тому, каков механизм небесного движения. Человечеству предлагается самостоятельно разгадать тайну мироздания, опираясь на

собственный разум, а не на веру. Свое мнение он подробно изложил в письме великой герцогине Кристине Лотарингской, и в конечном итоге по прошествии трехсот лет оно было официально принято Ватиканом в полном соответствии с анализом Выгодского. Причем *de facto* этот анализ был признан Папской академией наук еще до высказываний папы и официальных решений II Ватиканского собора*. События последних двух десятилетий значительно изменили политические и теологические оценки официального Ватикана и стали поводом для новой волны книг о Галилее и его взаимоотношениях с церковью. Однако до сих пор у российского читателя не было возможности толком понять, что же произошло. О пересмотре дела Галилея в связи со своеобразной реформой католической церкви на II Ватиканском соборе, он мог получать пока только обрывочную и скудную информацию, а чаще просто дезинформацию в виде слухов о якобы имевшей место «реабилитации Галилея», хотя вопрос этот не ставился и ставиться не мог. Речь шла о признании вины «людей церкви и ее институтов». Впрочем, об этом будет сказано ниже.

Подробный и связный рассказ о том, что происходило внутри католического религиозного сообщества в связи с необходимостью дать оценку явной несправедливости принятого инквизиционным судом решения, стал основным посылом книги Фантоли, хотя она содержит также подобающее случаю относительно подробное изложение биографии Галилея и анализирует наиболее важные его произведения с точки зрения человека церкви. Первая попытка дать такую оценку была сделана при подготовке II Ватиканского собора. Еще в 1941 г. президентом Папской академии наук профессору церковной истории Пио Паскини было поручено подготовить объективную и точную биографию Галилея, которая дала бы «эффективное доказательство того, что Церковь не преследовала Галилея, но всячески помогала ему в исследованиях», но при этом цель ее вовсе не апологетическая — она должна была бы по-научному точно представить «историческую документацию» (цит. по русскому изданию Фантоли 1999, с. 368–369).

Очевидно, Паскини не смог справиться с поставленной перед ним задачей, так как рукопись была расценена как «апология Галилея», подверглась многочисленным исправлениям и в таком виде была опубликована лишь в 1964 г., уже после смерти автора (как отмечает Фантоли, эти поправки были внесены без согласия Паскини и даже без его ведома). Второй Ватиканский собор, начавшийся в 1962 г., уже шел, в то время как список поправок готовился и согласовывался (к книге были претензии не только со стороны главного заказчика, Папской академии наук, но и со стороны Святейшего учреждения, т. е. инквизиции, и со стороны Общества Иисуса, не согласного со слишком резкой оценкой Паскини роли иезуитов в процессе над Галилеем).

Основной вывод Паскини заключается в том, что церковь, вынося приговор Галилею, совершила ошибку. Об этом предполагалось упомянуть в 40-м параграфе Пастырской конституции *Gaudium et Spes*, но в ходе обсуждения упоминание было изъято, а вместо него в 36-м параграфе появились такие слова: «Тем человеком, который смиренно и настойчиво пытается проникнуть в тайну вещей, руководит — даже когда он сам об этом не ведает — десница Бога» [4, с. 405]. Намек на Галилея делается еще более прозрачным немного дальше в том же параграфе: «Да будет позволено выразить сожаление по поводу известных умонастроений, встречавшихся некогда в среде самих христиан из-за того, что автономия науки осознавалась недостаточно ясно, вследствие чего возникали споры и разногласия, и многие люди

* II Ватиканский собор (21-й Вселенский) проходил с 1962 по 1965 гг. Материалы его недавно стали доступны российскому читателю в русском переводе (см. [4]).

приходили к мысли о том, что вера и наука противоречат друг другу». И вот тут-то и дана сноска: ср. Pio Paschini, *Vita e opere di Galileo Galilei*, 2 vol., Città di Vatic. : Pont. Accademia delle Scienze, 1964.

Этой ссылкой за книгой признавался статус официального документа, и тем самым вроде бы принимался тезис о совершенной ошибке. Между тем контекст остается в высшей степени туманным и загадочным. Какие христиане имелись здесь в виду? Может быть, рядовые прихожане, не понимающие разницы между верой и знанием и по-обывательски судящие о смысле деятельности ученых? Или доминиканский проповедник Лорини, осудивший «мужей галилейских», обращающих очи к небу вместо того, чтобы смирять гордыню молитвой? Или комиссия богословов, заключившая, что мысль о движении Земли «неверна и абсурдна с философской точки зрения и, по крайней мере, ошибочна в вере»? Или Папа Урбан VIII, полагавший, что Бог в своем всемогуществе может нарушить любой из им же установленных законов природы, не подчиняясь ни одному из них?

А ведь очевидно, что такая двусмысленность (или многосмысленность, но никак не бессмысленность) итогового текста — в данном случае проявление мудрости. Вопрос не решается так просто, и диагноз, поставленный Паскини (мы не будем его обсуждать здесь), не был принят ни Собором, ни Ватиканом не только ради «сохранения приличия и доброго имени Церкви», как утверждает Фантоли (с. 369). На существование более веских причин ясно указывает и инициатива, предпринятая Папой Иоанном Павлом II в 1979 г., когда он в речи, посвященной 100-летию Эйнштейна, вдруг заговорил о Галилее: «*Величие Галилея всем так же известно, как и величие Эйнштейна; но в отличие от того, кого мы прославляем сегодня перед коллегией кардиналов в нашем апостольском дворце, первому пришлось немало пострадать — мы не можем скрывать этого — от отдельных личностей и целых организаций, принадлежащих церкви. II Ватиканский собор признал случаи ее незаконного вмешательства и выразил сожаление по их поводу*». Иоанн Павел II сослался здесь на процитированное выше место из 36-го параграфа и упомянул о том, что ссылка на книгу Паскини является прямым указанием на то, что именно имеется в виду под «незаконными вмешательствами церкви». И дальше он сделал теперь уже всем хорошо известное предложение: «В дальнейшее развитие позиции, занятой Собором, я призываю теологов, ученых и историков, воодушевленных духом искреннего сотрудничества, углубиться в изучение дела Галилея с честным признанием ошибок, с чьей бы стороны они ни совершались, устраняя расхождения, которые это дело зародило в сознании многих, к плодотворному согласию науки и веры, Церкви и мира. Этой задаче, которая послужит во благо истины как веры, так и науки и откроет двери навстречу будущему сотрудничеству, я обеспечу свою полную поддержку»*.

* Хотя этот пассаж цитируется Фантоли, я привожу его здесь в собственном переводе. Полный текст этой речи был опубликован в юбилейном сборнике [5, p. 271–277]: «*La grandezza di Galileo è a tutti nota, come quella di Einstein; ma a differenza di questi, che oggi onoriamo di fronte al Collegio cardinalizio ne nostro palazzo apostolico, il primo ebbe molto a soffrire — non possiamo nascondere — da padre di uomini e organismi di Chiesa. Il Concilio Vaticano II ha riconosciuto e deplorato certi indebiti interventi: "Ci sia concesso di deplorare — è scritto al n. 36 della Costituzione conciliare *Gaudium et Spes* — certi atteggiamenti mentali, che talvolta non mancavano nemmeno tra i cristiani, derivati dal non avere sufficientemente percepito la legittima autonomia della scienza, e che, suscitando contese e controversie, trascinarono molti spiriti a tal punto da ritenere che scienza e fede si oppongano tra loro*". Il refiremento a Galileo è reso esplicito dalla nota aggiunta, che cita il volume *Vita e opere di Galileo Galilei*, di Mons. Paschini, edito dalla Pontifica Accademia delle Scienze».

Таким образом, солидаризировавшись с общей оценкой, данной Паскини, Папа тем не менее счел ее неудовлетворительной, ибо в противном случае новое «углубление в изучение дела Галилея» стало бы излишним. Было бы достаточно просто эксплицировать и прокомментировать позицию Паскини, устранив возможные искажения, внесенные позднейшими исправлениями. Тем не менее в 1981 г. по устному распоряжению Папы была создана комиссия из четырех рабочих групп, возглавлявшихся Карло Мариа Мартини (по эзегетическим вопросам), Полем Пупаром (по вопросам культуры), Карло Шагасом и Джорджем Койном (по научным и гносеологическим вопросам), Микеле Маккарроне и Эдмоном Ламалем (по вопросам истории и права)*. Секретарем комиссии был назначен Энрико ди Ровазенда (Орден проповедников).

Комиссия завершила свою работу в 1992 г., и результаты ее работы были суммированы Полем Пупаром на заседании Папской академии наук 31 октября того же года**, вслед за чем последовало выступление Папы. Трагические события 1633 г. стали следствием ошибочного поведения с обеих сторон – таков вывод Пупара, если опустить детали. Галилей был не прав, продолжая настаивать на справедливости теории Коперника, несмотря на отсутствие необходимых доказательств. А «его судьи» совершили тройственную ошибку: в философском плане они не смогли отличить вопросы веры от устаревшей космологической модели, в теологическом плане они ошибочно сочли гелиоцентрическую космологию опасной для католической традиции, в процедурном плане они сочли своим долгом вынудить Галилея замолчать.

Самую взвешенную позицию в этой истории занял, по мнению комиссии, кардинал Роберто Беллармино (причисленный впоследствии к лику святых), которому было поручено провести следствие по доносу отца Каччини на Галилея. Он признал основной аргумент Галилея, что истина, полученная в результате научного исследования, не может противоречить истине веры. Следовательно, если будет получен решающий аргумент в пользу теории Коперника, то те фрагменты Писания, в которых прямо говорится о движении Солнца и неподвижности Земли, необходимо будет как-то истолковать, например, в соответствии с предложениями Галилея. Однако до тех пор, пока такого аргумента не было, поиск новых толкований был бы преждевременным. Если бы обе стороны придерживались этой позиции, то не возникло бы того недоразумения, в котором, впрочем, ни одна из них, — Поль Пупар подчеркнул это, — не может быть заподозрена в отсутствии доброй веры.

Не может быть никаких сомнений в том, что именно это финальное собрание 1992 г. стало главным поводом написания книги Аннибале Фантоли и что развернутый рассказ о биографии и научном творчестве Галилея, представляющий самостоятельную ценность, — развернутое предисловие к заключительным страницам. Но вызывает недоумение тот факт, что в русском издании заключительная

* Основным документом, содержащим постановление о создании этих групп, является письмо государственного секретаря Ватикана кардинала Казароли Полю Пупару от 3 июля 1981 г. Полностью текст письма и его английский перевод был опубликован Микеле Сегре как приложение к статье [6]. В составе комиссии следует отметить примечательное соединение Маккарроне и Ламалья как соруководителей одной из рабочих групп. Маккарроне, которому Паскини завещал свою рукопись, решительно протестовал против внесения в нее поправок, автором которых был Ламаль. Отсутствие этой важной информации в книге Фантоли следует отнести к ее безусловным недочетам.

** Текст этой речи был опубликован в «Osservatorio Romano» от 4 ноября 1992 г.

речь Пупара не пересказывается и ссылка дается только на франкоязычное издание 1994 г. [7], а об итальянском и английском изданиях этой речи даже не упоминается. Выпущенный в 1984 г. под редакцией Пупара сборник [5] стал объектом резкой критики Фантоли: «К сожалению, я должен сказать, что некоторые из статей этого сборника были, вероятно, написаны в спешке, с известной долей неточностей, временами серьезных, которые значительно вредят общей оценке работы. Возникает впечатление, что побуждение выполнить работу “без задержки” вместе с необходимостью выпустить этот том в год 350-й годовщины суда и осуждения Галилея повлекли слишком большую сумятицу в выполнении проекта с большими потерями, я повторяю, для его научной ценности. И было бы желательным, если бы состав авторов был более интернациональным и менее “конфессиональным” (из семи авторов пятеро — французы и пятеро — священники)*. В русском издании этот отрывок почему-то был опущен.

Весьма показательно и то, что Фантоли не соглашается с оценкой Пупара, данной в его докладе 1992 г., отмечая, что «ее можно принять лишь с известными оговорками». Суть этих оговорок сводится к практически полному отрицанию всего сказанного Пупаром по поводу письма кардинала Беллармино к Фоскарини от 12 апреля 1615 г. (Фантоли подробно разбирает это письмо в третьей главе своей книги, в английском и итальянском вариантах имеющей лаконичный подзаголовок «Писание и теория Коперника», а в русской версии озаглавленной значительно более развернуто: «Эпилог богословской полемики: трактат Коперника “Об обращении небесных сфер” включен в Индекс запрещенных книг»). Анализ Фантоли приводит его к выводу, «что, несмотря на вежливый тон и сдержанность, ответ Беллармино заключал в себе решительное отрицание выдвинутых Фоскарини и самим Галилеем идей о возможности приведения учения Коперника в соответствие со Священным Писанием» (с. 142). Тем не менее Фантоли солидаризируется с Пупаром и Папой в том, что кардинал Беллармино был одним из немногих просвещенных богословов того времени, «способных дать урок научной методологии» (с. 374). Не случайно в своей речи Папа подчеркивает существование своеобразного «двойного парадокса»: с одной стороны, Галилей непоследователен в применении принципов экспериментального метода, которые сам же и ввел в научный обиход, с другой стороны, он, не будучи теологом, «проявил большую прозорливость» в вопросах толкования Священного Писания (с. 345).

Фантоли критикует итоговые высказывания 1992 г., по существу подведшие итог работе комиссии, в том числе и за исчезновения из них упоминаний об «отдельных личностях и целых организациях, принадлежащих церкви», от которых Галилею пришлось пострадать, как это было сформулировано в выступлении 1979 г. Кардинал Пупар ограничивается признанием ответственности неких анонимных «судей Галилея», действовавших от имени церкви, а Папа и вовсе предпочитает со-

* Я цитирую в собственном переводе по английскому изданию: «To my regret I have to say that some of the contributions seem to have been written in a hurry and with a degree of imprecision, at times serious, which noticeably hurt the overall value of the work. One has the impression that the exhortation to carry out the work “without delay” together with the necessity of having the volume come out in time for the 350th anniversary of the trial and condemnation of Galileo, have caused too much of a rush in carrying out the project with serious prejudice, I repeat, for its scientific value. And it would have been desirable to have had a more international selection of the contributions and one less “confessional” (of the seven authors five are French and five are ecclesiastics)» (p. 509).

слаться на «богословов»*. Особенно странно отсутствие в обоих текстах какого бы то ни было упоминания о церковных организациях (инквизиции и конгрегации индекса запрещенных книг) и об основных организаторах процесса 1616 г. (Папы Павла V) и процесса 1632 г. (Папы Урбана VIII). Впрочем, от категорических оценок Фантоли и сам старается уклониться.

Можем ли мы, спрашивает он, обвинить суд, наложивший взыскание на Галилея, в злоупотреблении властью? Не будет ли это примером «проектирования *sic et simpliciter* <...> наших идеалов свободы мышления на времена набирающего силу “абсолютизма”, в которые жил Галилей и в которые принцип авторитарности (как в светских, так в церковных делах, а у протестантов ничуть не менее чем у католиков) считался доминирующим над принципом индивидуальной интеллектуальной свободы?» (с. 325). И дальше он говорит о том, что это скорее Галилей хотел улучшить момент, когда его хитроумная комбинация с публикацией книги могла сработать, и стал жульничать и прятать карты под стол. «Но эта карточная игра кончилась катастрофой. <...> “Диалог” <...> отличался откровенно прокоперниковским характером и в действительности не мог не стать вызовом церковным властям, включая и самого Урбана VIII. <...> Если принять во внимание также сложную обстановку как внутри Церкви, так и вне ее, то суровая реакция церковных властей на тот вызов становится не только неизбежной, но и *оправданной*» (с. 325, курсив мой – Д.Б.).

Без этой фразы я бы истолковал цитированные ранее слова об ответственности Павла V и Урбана VIII как упрек в адрес кардинала Пупара и Папы Иоанна Павла II, ни слова не сказавших о ней. Однако мотив *оправданности* действия церковных властей в XVII в. меня смущает и заставляет заподозрить, что такая интерпретация была бы поспешной. Мне бы хотелось, чтобы автор подробнее остановился на этой теме и глубже развил свою мысль, однако этого не произошло.

Подобная неудовлетворенность возникает довольно часто при чтении книги. Кажется, автор не хочет навязывать своих оценок, лишь указывая на проблему, но не решая ее. Ощущение недосказанности возникает у читателя там, где автор проявляет педантичность и аккуратность, заставляющие его уходить от категорических заявлений. Однако в некоторых случаях такая педантичность и аккуратность приводят к полной потере смысла, невозможности установить содержание самого авторского высказывания. Чтобы не быть голословным, я приведу еще один пример, связанный с доносом Каччини, уже упомянутым выше.

* Значительно выразительнее свое недоумение по тому же поводу выражает Микеле Сегре в цитированной выше статье: «Хочется спросить: что же произошло в Ватикане между 1981 и 1992 г.? Неужели комиссия столкнулась с каким-то несоответствием, которое сделало желательным оставить дело Галилея по возможности в тумане? Почему изначальные намерения Папы Иоанна Павла II по ходу дела были потеряны из вида?» Столь же ясно и выразительно Сегре поясняет свои ожидания в отношении приемлемых результатов работы комиссии: «Если Католическая церковь сегодня желает примирить свое учение с наукой, то да позволено мне будет допустить, что за Галилеем будет признано право свободно выражать свои научные взгляды, даже если они ошибочны, и невзирая на какой бы то ни было ущерб, который бы они могли принести церкви. В свое время Галилею в этом праве было отказано. “Примирение”, по моему мнению, должно заключаться в признании этого факта и заявлении, что сегодня подобного “дела” не могло бы возникнуть. Упор на научные ошибки Галилея, сделанный в речи Пупара, напоминает знакомый по XVII в. образец вмешательства в дела науки» [6]. Позиция Сегре, конечно, может быть оспорена, но она ясно сформулирована. К сожалению, подобную ясность сложно найти в сочинении Фантоли.

Этот донос касался письма Галилея своему ученику Бенедетто Кастелли, в котором Галилей не только вполне определенно высказывался в пользу теории Коперника, но и формулировал некоторые принципы независимости науки от религии. Доносу Каччини, сделанному в устной форме 20 марта 1615 г. в Риме на еженедельном заседании Святейшего учреждения, предшествовала пересылка копии этого письма по тому же адресу другим доминиканцем, отцом Лорини, 7 февраля того же года. Сам Галилей отрицал идентичность этой копии письму, написанному им, и на всякий случай направил в инквизицию собственноручную копию, по его утверждениям, в точности воспроизводящую текст оригинала. В апреле архиепископ Пизанский обратился к Кастелли с просьбой передать ему оригинал, на что Кастелли ответил отказом и лишь прочитал письмо вслух. Такими образом, вопрос о том, какая из двух копий письма, находившихся в распоряжении инквизиции весной 1615 г., точнее передает содержание оригинала, остается открытым до настоящего времени.

Фантоли пишет по этому поводу: «Передавала ли „точная копия“, посланная Лорини, точный смысл оригинала? Фаваро отрицал это, и вслед за ним так считали многие исследователи. Им удалось показать важность расхождений (по большей части не в пользу Галилея) между копией и тем, что Фаваро полагал наиболее близким вариантом утерянного оригинала Галилея. <...> Недавно современный исследователь Мауро Пеше (Pesce) <см. [8]> пересмотрел этот вопрос и пришел к выводу, что посланная Лорини копия в точности соответствует оригиналу “Письма к Кастелли”»* (с. 135)**.

Несколько ниже Фантоли цитирует письмо Галилея Пьетро Дини, упоминавшееся выше, и по поводу слов Галилея «мне кажется нелишним послать тебе подлинную версию письма, как я сам его написал» замечает: «Это не совсем так, так как была послана пересмотренная копия, выдаваемая за подлинник, с тем чтобы обвинить Галилея в незаконной фальсификации идей» (с. 178). В этом месте читатель окончательно теряет нить и перестает понимать, кто кого и в чем обвинял. Возможно, в последней фразе Фантоли или его русский переводчик путает Галилея с Лорини, и, следовательно, утверждение состоит в том, что фальсификацию совершает Галилей, чтобы обвинить в фальсификации Лорини. Проверить эту гипотезу, не имея издания 1996 г. невозможно, но даже она мало что проясняет: ведь даже если Галилей и посылает Дини «пересмотренную версию», он делает это не для того, чтобы кого-то в чем-то обвинять, а для того, чтобы отвести обвинения от себя. Тщательно расставленные в данном пассаже ссылки на Пеше затемняют собственную позицию Фантоли: читателю остается неясным, принимает ли он аргументацию Пеше и какую из версий письма имеет в виду, говоря о «подлиннике». Слова «Пеше пересмотрел это вопрос и пришел к выводу», кажется, должны означать, что автор принимает этот вывод, но замечание по поводу трех положений «Письма», что «именно они и были искажены в копии, как уже говорилось, не в пользу автора» (с. 136), не позволяют утверждать это с уверенностью.

* См. Pesce 1992 [8, 394–417]. В приложении к статье автор сравнивает варианты копии Лорини в свете текстологической традиции, уделяя особое внимание рукописи Галилея. — *Примеч. Фантоли.*

** Следует отметить, что весь процитированный фрагмент отсутствует и в итальянском, и в английском вариантах текста. Вероятно, он появляется лишь в английском издании 1996 г., которое было мне недоступно. В издании 1994 г. мы читаем лишь: «This “faithful copy”, so it was claimed, had, as a matter of fact, various alternations to the original text which changed the meaning to Galileo’s disfavor» (p. 169).

Подобные неясности являются следствием не досадного недоразумения, а самого авторского стиля, в русской версии дополнительно размытого промахами переводчика. Вообще на различиях русского и английского переводов книги стоит остановиться отдельно. Если переводчик английской версии — о. Койн, директор Ватиканской обсерватории и член комиссии Папской академии по пересмотру дела Галилея, то за русский перевод взялся не известный широкой публике А. Брагин, плохо понимающий смысл переводимой им книги. Даже простая путаница в именах — известный итальянский историк Лодовико Джеймонат вдруг в некоторых местах у него оказывается Геймонатом — указывает, вероятнее всего, на то, что переводчик просто не знает, о ком идет речь.

Анекдотично выглядит замечание Брагина по поводу обращения на «ты» в переписке Галилея и Кеплера: «Обращение на “ты” было в то время принято между учеными-коллегами» (с. 63). Видимо, в подтверждение этой мысли Брагин переводит и письмо Галилея к Дини, заменяя итальянское «вы» на русское «ты», чтобы подчеркнуть, что оба были «учеными-коллегами». Дело, разумеется, совсем в другом: просто эти письма писались по-латыни, в которой нет обращения на «вы» к одному человеку. Кстати, Реймон Цукерманн, переводивший письмо Галилея Кеплеру на французский [9, р. 228], вполне корректно заменил латинское «ты» более естественным для французов «вы», — точно так же поступили и переводчики католических молитв после того, как, согласно решению II Ватиканского собора, было разрешено богослужение на национальных языках: «Ave, Maria!» превратилось в «Je vous salue, Marie!»

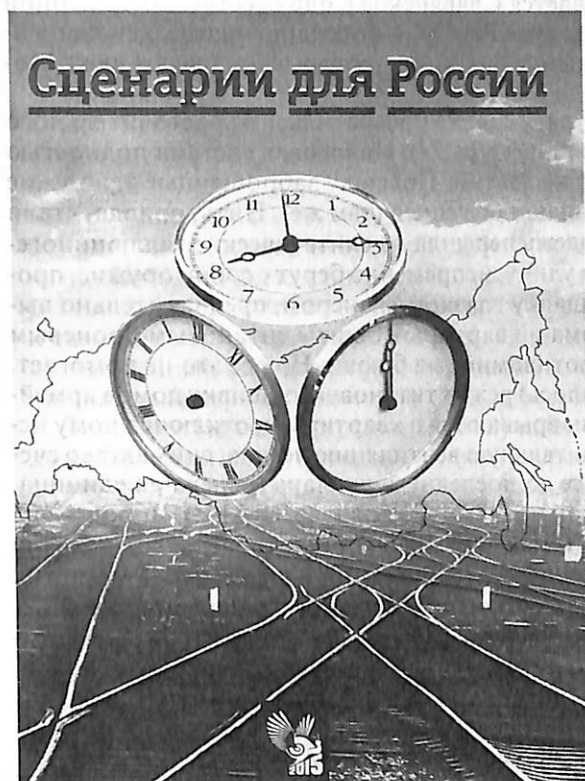
Впрочем, не будем продолжать список недомолвок, неточностей, а то и просто промахов автора и его переводчиков. Они не могут изменить в целом положительной оценки книги и радости читателя, получившего наконец русский перевод. Нет никакого сомнения, что ни одно будущее серьезное исследование жизни и творчества Галилея не обойдется без ссылок на это издание. И в заключение хочется отметить, что все три издания — и итальянское, и английское, и русское — выполнены, как и положено, в едином оформлении: с сохранением формата, рисунка на обложке, расположением сносок, т. е. сделано все, чтобы помочь читателю воспринять все три книги как различные материализации одной-единственной.

Литература

1. Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция. М., 1935.
2. Цейтлин З. А. Политическая сторона инквизиционного процесса Галилея // Мирознание. 1935. № 1 (январь-февраль). С. 1–35.
3. *Galileo Galilei. Le opere di Galileo Galilei. Edizione nazionale in 20 voll. Ristampa nuova / A cura di Antonio Favaro. Firenze, 1968.*
4. Документы II Ватиканского собора. М.: Паoline, 1998.
5. *Galileo Galilei : 350 anni di storia (1633–1983). Studi e ricerche / A cura di Mons. Paul Poupard. Roma : Edizioni Piemme di Pietro Mairetti, 1984.*
6. *Segre M. Light on the Galileo case? // Isis. 1997. Vol. 88. P. 484–504.*
7. *Après Galilée. Ed. By P. Poupard. P. : Desclée Brouwer, 1994.*
8. *Pesce M. Le redazioni originali della Lettera Copernicana di G. Galilei a B. Castelli // Filologia e Critica. 1992. Vol. XVII. P. 394–417.*
9. *Zouckermann R. Galilée penseur libre. Paris, 1968.*

А. В. ЮРЕВИЧ

ВДОЛЬ ВРЕМЕНИ: ТРИ СЦЕНАРИЯ РАЗВИТИЯ РОССИИ*

Как известно, Россия — это страна, где даже прошлое непредсказуемо, поскольку его видение меняется с каждым новым разворотом социально-политического курса. Казалось бы, тем более непредсказуемо ее будущее. И тем не менее ...

Созданный в 1999 г. не только для предсказания, но и для приближения этого самого будущего так называемый «Клуб 2015» разработал по всем правилам *футурологии*, т. е. научного составления прогнозов, редко практикуемого у нас, но очень популярного за рубежом, три сценария развития России на ближайшие 15 лет, которые авторы назвали очень плохим, умеренно плохим и хорошим. Это было сделано так: собралось порядка 100 человек, в том числе такие известные личности, как С. Кириенко, И. Хакамада, И. Клямкин, Г. Сатаров, В. Познер, Д. Киселев и др., разбились на группы по 5–6 человек, которые разрабатывали первичные

сценарии, затем эти первичные сценарии посредством коллективного «мозгового штурма» были сведены в три основных, и сформулировать их было доверено известным литераторам — соответственно А. Кабакову, Д. Драгунскому и А. Гельману. Разработка сценариев — один из основных методов футурологии, а разбиение участников на малые группы по 5–6 человек, последующий общий «мозговой штурм» и т. п. — типовые методы коллективного решения задач. Ну а новация составителей трех сценариев состояла в том, что они были сформулированы не в традиционной для футурологических прогнозов наукообразной, а в *литературной* форме: пессимистичный — в виде короткого рассказа, нейтральный — в виде пьесы, а оптимистичный — как письмо к другу, что, как станет ясно ниже, имело глубокий смысл.

В первом — очень плохом — сценарии Россия грядущего предстает как страна, находящаяся в состоянии войны всех против всех. Каждый взял столько суверенитета, сколько смог унести. В результате от Российской *Федерации* не осталось и следа. На ее месте — конгломерат постоянно конфликтующих, а то и воюющих

* Сценарии для России. М.: Алмаз-пресс, 1999. — 112 с.